

Норвежское Заполярье: государственная политика и региональное развитие

А.К. КРИВОРОТОВ, кандидат экономических наук,
секретарь Совета директоров компании «Штокман Девелопмент АГ», Москва.
E-mail: a.krivorotov@shtokman.ru

Проанализирована региональная политика норвежского государства на Крайнем Севере страны, где были опробованы различные модели развития: ускоренная модернизация, протекционистская защита, монетаристский либерализм и современная активизация государства в увязке с интересами внешней политики. Описаны политические подходы и инструменты каждого из периодов, оценены достигнутые результаты и выделены долгосрочные тенденции развития Заполярья. На примере Норвегии показана необходимость активной роли обществу в формировании эффективной региональной политики.

Ключевые слова: Северная Норвегия, региональная политика, рыболовство, нефтегазовая промышленность, социально-экономическое развитие, Арктика, Заполярье

При изучении зарубежного опыта освоения Арктики особый интерес представляет Северная Норвегия (заполярные губернии Нурланд, Тромс и Финнмарк) – крупный регион, занимающий около трети территории страны и граничащий с нашей Мурманской областью. Норвежский Север, как и российский, претерпел ускоренный переход от старой общинной жизни и «государства благосостояния» к жестким рыночным отношениям. Анализ этих процессов полезен не только в сравнительном плане, но и с позиций практических хозяйственных интересов Северо-Запада России, тесно связанного с сопредельным норвежским Заполярьем историческими судьбами и текущими деловыми отношениями.

Социально-экономическая структура региона

В отличие от большинства заполярных территорий, Северная Норвегия была заселена европейцами еще в раннем Средневековье, в эпоху викингов. Изобильные рыбные ресурсы региона (в первую очередь на знаменитых банках близ Лофотенских островов) издавна притягивали крестьян с юга страны, страдавших от нехватки пахотных земель, неурожаев и междоусобиц.

Регион с давних пор работал на мировой рынок, имея отчетливую сырьевую специализацию. Уже с начала XII в. отсюда шли массовые поставки сушеной рыбы в Англию, в страны Центральной, а затем и Южной Европы, сохранившие свое значение и по сей день. По оценкам, к 1300 г. на экспорт ежегодно поставлялось 3–4 тыс. т рыбы. Правда, уже с середины XIV в. и фактически до Первой мировой войны эта торговля была монополизирована купцами-перекупщиками с юга страны [1. С. 8–10]. Регион был по сути предоставлен сам себе, особенно после смертоносной эпидемии чумы 1450 г., когда норвежцы потеряли независимость. До 1905 г. страна управлялась датскими, потом шведскими королями, мало вникавшими в дела Норвегии, тем более ее далекой заполярной окраины.

Основу хозяйственного уклада региона исконно составляло так называемое «комбинированное хозяйство», при котором одни и те же лица занимались то рыболовством, то сельским хозяйством, поскольку оба промысла имеют на Севере четко выраженный сезонный характер [2. С. 81]. Соответственно, сложилась дисперсная, хуторская структура расселения, ориентированная на редкие участки пригодной к обработке земли. В Заполярье имеются лишь два крупных, по норвежским меркам, города – Тромсё и Будё (соответственно около 70 и 50 тыс. жителей). Для сравнения, в Осло проживает свыше 700 тыс. чел., а в столичной агломерации – более миллиона.

Рыболовство при комбинированном хозяйстве ведется «малыми силами» – возле побережья с небольших судов, не требующих больших капиталовложений. В отличие от западного побережья Норвегии с его мощным флотом морозильных траулеров, на Севере более 90% рыболовецкого флота составляют небольшие суда длиной до 15 м, в большинстве своем – беспалубные лодки. Основной производственной единицей при этом были и остаются семьи единоличных крестьян-рыбаков, практически не применяющие наемный труд. Даже несмотря на многолетние попытки властей стимулировать концентрацию флота, в 2015 г. в Северной Норвегии на пять рыбаков приходилось три промысловых судна [3. С. 25, 26].

Население Северной Норвегии отличают высокая степень социального равенства, «северные» традиции солидарности и взаимовыручки, неприятие индивидуалистов и нуворишей.

Политическим отражением этого служат популярность идей социальной справедливости, традиционно прочные позиции левых партий, отраслевых и профессиональных союзов.

Некоторые специалисты еще в 1920-е годы ставили под сомнение экономическую эффективность полунатурального комбинированного хозяйства [4. С. 9]. Во многом, однако, оно было вынужденным, позволяя добывать средства к существованию в суровых условиях Заполярья при скудных финансовых ресурсах, и поэтому сохранилось практически неизменным до середины XX в.

Послевоенное развитие Северной Норвегии стало процессом глубокой трансформации региона, его поэтапной адаптации к всё более жесткой международной конкуренции при активной преобразующей роли государства. При этом политика сменявшихся друг друга правительств оказалась достаточно синхронизированной по разным направлениям и может быть условно подразделена на четыре крупных этапа [5].

Политика ускоренной модернизации Заполярья (1950-е – начало 1970-х гг.)

После Второй мировой войны власть в стране двадцать лет прочно удерживала Норвежская рабочая партия (НРП) во главе с авторитетнейшим (и авторитарным) лидером, «отцом нации» Эйнармом Герхардсенем. Партия, принадлежавшая к левому флангу европейской социал-демократии, отводила государству ведущую роль в экономике, пытаясь внедрить в ней элементы народнохозяйственного планирования.

Первым документом региональной политики стала принятая в 1951 г. Программа развития Северной Норвегии, подготовленная столичными макроэкономистами. Их более всего беспокоило, что в 1939 г. на Северную Норвегию приходилось 12% населения и лишь 6,2% валового внутреннего продукта страны. Отставание требовалось срочно наверстать, тем более что под давлением США шла активная торговая либерализация в рамках ГАТТ и «Плана Маршалла». Решение этих проблем правительство видело в ускоренной индустриализации Заполярья, развитии товарно-денежных отношений, концентрации производства и укрупнении поселков.

В главной отрасли региональной экономики, рыболовстве, политика была направлена на вытеснение мелких полукустарных промыслов крупным механизированным производством – океаническими траулерами круглогодичного лова и фабриками по производству мороженого филе. В частности, только такие проекты в рыбной отрасли получали поддержку из учрежденного государством Фонда экономического развития Северной Норвегии. Аналогично строилась и аграрная политика: с помощью разъяснительной работы и мер экономического стимулирования крестьян побуждали прекратить занятия рыболовством и строить специализированные крупнотоварные фермы.

В этот же период на Севере был сформирован мощный сектор из гигантов индустрии – коксового и сталеплавильного комбинатов в Му-и-Ране, железорудных шахт, с самого начала призванных стать регионообразующими предприятиями, центрами крупных поселений.

Действия правительства фактически стимулировали разложение традиционного комбинированного хозяйства, побуждая северян переходить на работу по найму на крупных судах или в промышленности. Власти сознавали, что это повлечет за собой территориальную концентрацию населения, и воспринимали ее как позитивное изменение, дающее северянам доступ к благам цивилизации – государственным больницам, детским садам и домам культуры [6]. И по замыслу, и по технократической логике эта политика имела, таким образом, ряд общих черт с известной ликвидацией «неперспективных деревень», проводившейся в то время в Нечерноземье и Севере европейской части СССР в схожей идейной оболочке.

Последствия также оказались сходными. За период с 1950 г. по 1965 г. производительность труда в регионе повысилась с 58% до 80% от национальной, но начались надлом социальной структуры региона и запустение некогда людных поселков. Несмотря даже на льготные условия финансирования, северяне неохотно приобретали траулеры для круглогодичного лова, предпочитая в крайнем случае свернуть промысел и уехать не в местный административный центр, а сразу на юг страны. Число рыбаков в регионе к 1970 г. сократилось вдвое, а участников важнейшей лофотенской путины – более чем вчетверо, площадь возделываемых земель только за 1960-е гг. снизилась на треть. Начался

многолетний, не прекратившийся и поныне, отток населения из Заполярья (в тот период, правда, вдвое перекрывавшийся высокой рождаемостью).

Со второй половины 1960-х гг. НРП натолкнулась и на организованное сопротивление северян, не желавших отказываться от привычного образа жизни. В регионе возникло мощное движение противников реформ – так называемых «популистов» во главе с экономистом и социологом Оттаром Броксом [7], особенно ярко заявивших о себе в ходе борьбы против вступления страны в ЕЭС в начале 1970-х гг. Норвежское общество оказалось тогда глубоко расколотым, причем не по политическому признаку (все крупные партии были за членство), а по оси «промышленно-финансовые центры юга – аграрно-рыбачья периферия». Эта борьба вылилась в референдум 1972 г., где большинство норвежцев проголосовало против, за отставку правительства Трюгве Браттели и серьезные изменения во внутренней политике страны.

Политика государственного протекционизма на Севере (начало 1970-х – середина 1980-х)

Столкнувшись с организованным протестом населения, а также с валом мировых экономических потрясений начала 1970-х гг. (заставивших страны Запада усомниться в эффективности планирования), норвежские власти перешли к патерналистской защите Заполярья. Официальной целью региональной политики на долгое время становится сохранение сложившегося рисунка расселения по стране, а главным методом – финансовая поддержка провинциальных предприятий, особенно в сельском хозяйстве и рыболовстве (три четверти общего объема отраслевых субсидий) [8. С. 158]. Тем более что с начала 1970-х гг. появился и источник финансирования – в Норвегию хлынул мощный поток нефтедолларов.

Субсидии рыбакам в постоянных ценах за 1974–1982 гг. выросли вчетверо, причем основная их доля (до 76,5%) приходилась на ценовые дотации с целью поддержания высоких закупочных цен на рыбу [9. С. 194]. Казенные горнометаллургические заводы в Северной Норвегии (равно как и огосударствленная в 1976 г. шпицбергенская угольная компания «Стуре Норске»), впад в хроническую убыточность из-за общезападного структурного

кризиса, также ежегодно получали из бюджета миллиардные перечисления в виде субсидий, списания долгов, инвестиционных дотаций. Правые партии, периодически приходя к власти, пытались ограничивать поддержку регионов, но наталкивались на ожесточенное сопротивление профсоюзов, а также влиятельного рыбацкого и крестьянского лобби.

Важным направлением региональной политики стала контролируемая централизация – стимулирование «локальных центров роста» с тем, чтобы жители малых поселков переселялись именно туда, а не в центральные районы страны [10. С. 417–418]. С этой целью еще в 1968 г. государством была, в частности, учреждена Компания по эксплуатации промышленных инкубаторов «СИВА», которая и сегодня активно действует в 33 городах Севера. В регионах ускоренными темпами сооружались объекты социально-бытовой инфраструктуры и аэропорты, длина автодорог в Заполярье за 1945–1990 гг. выросла вдвое, улучшилось качество дорожного покрытия. В 1972 г. в заполярном Тромсё был открыт самый северный в мире университет.

Кроме того, норвежцы грамотно воспользовались своим положением «флангового государства» НАТО, имевшего на Крайнем Севере прямую границу с СССР. На средства, прежде всего, натовских инфраструктурных программ шло активное военнотехническое обустройство Северной Норвегии, создавая новые рабочие места, спрос на товары и услуги местных производителей, а также (для объектов двойного назначения вроде аэродромов) улучшая ее транспортную доступность.

В этот период, который норвежцы ныне называют «золотым веком региональной политики», качество жизни северян заметно повысилось. Однако производительность труда в регионе оставалась на уровне около 80% от национального, а экономика впадала во все более глубокую зависимость от госдотаций.

Внеся определяющий вклад в формирование международного морского права, Норвегия установила в омывающих ее морях 200-мильную исключительную экономическую зону, оградив рыбные ресурсы своего Севера от иностранного промысла, но при этом не защитив их от острой внутренней конкуренции между регионами. Под давлением южан правительство выдвинуло лозунг «Рыба – достояние всей страны»; в Заполярье наладили промысел траулеры, приписанные к портам западного побережья.

Концентрация населения, затормозившись было в 1970-е гг., в 1980-х вновь набрала обороты [11. С. 76]. Миграционный отток населения с Севера и высокогорья уже не всегда «перекрывался» все более низким его естественным приростом. Число жителей в Финнмарке с 1975 г., а в Нурланде – с 1982 г. стало сокращаться. На норвежском Севере, во многом с подачи того же О. Брокса, получил широкое хождение тезис о регионе как «колонии» промышленно развитого Юга [12], который грабит его природные ресурсы, откупаясь подачками из бюджета.

Политика Норвегии в Заполярье эпохи либерализма (середина 1980-х – начало 2000-х)

В 1980-е гг. Норвегию, подобно другим странам Запада, охватила «правая волна». Она началась при правительстве консервативного премьера Коре Виллока (1981–1986 гг.), который строго следовал образцам американской «рейганомии» и британского «тэтчеризма», и заметно усилилась после краха социалистической системы, повергнувшего мировую социал-демократию в длительный идейный кризис. НРП, приходя к власти, фактически продолжала политику правых партий, заимствуя у них и лозунги, и инструментарий. Этому способствовали объективные обстоятельства – падение мировых цен на нефть в 1986 г. и продолжающаяся либерализация мировой торговли, сильно ограничившие возможности норвежского государства по финансовой поддержке регионов. Кроме того, с 1996 г. Норвегия сама начинает систематическую монетаристскую «стерилизацию» нефтедолларов в Государственном нефтяном фонде*, по образу которого был позднее создан российский Стабфонд.

Главной целью региональной политики постепенно стало обеспечение гражданам реальной свободы выбора места жительства. Прежняя цель – сохранение схемы расселения – осталась, но ее достижение во многом было поручено самим регионам, их инновационной активности, при гораздо меньшей финансовой поддержке из Центра. Таким образом, региональное развитие, как и в 1950-е гг., было фактически подчинено соображениям внешнеэкономической политики, хотя и на совершенно иной

* В настоящее время Государственный пенсионный фонд – Заграничный.

базе – теперь определять тенденции размещения производительных сил предстояло не государству, а рынку.

С 1985 г. ежегодные субсидии рыболовству снизились в 18 раз в текущих ценах (с 1,25 млрд до 70 млн норв. крон), или в 30 раз – в постоянных. Ценовые дотации фактически прекратились, зато рыбакам выплачивались крупные суммы на обновление либо ликвидацию промыслового флота. Главной задачей отрасли правительство называло эффективность, а уже побочным эффектом ее – занятость в регионах [13. С. 7]. В то же время, благодаря активной внешнеэкономической политике, экспорт рыбы и рыбопродуктов из Норвегии за 1991–2002 гг. удвоился, а в отдельные годы страна становилась их крупнейшим мировым экспортером.

Принципиально важным процессом стала приватизация рыбных ресурсов в море. Участие рыбаков в промысле традиционно было свободным (не считая ограничений для траулеров, введенных еще в 1951 г. под давлением северян). Но после катастрофической путины 1988 г., когда практически пропала лототенская треска, в качестве временной меры были установлены квоты вылова на каждое судно. Вскоре, однако, власти узаконили их на постоянной основе, а затем в несколько этапов по сути ввели полулегальный оборот квот, с явным предпочтением собственникам крупных судов. Наконец в 2005 г. их продлили на неограниченный срок (так называемые «вечные квоты»), бесплатно передав узкой группе бизнесменов права на многомиллиардные ресурсы и лишая остальных рыбаков свободного доступа к ним. Интересно, что такая радикальная перемена практически не вызвала общественной дискуссии: рядовые промысловики, намеренно сбитые с толку государственной пропагандой, долго не могли разобраться в юридических тонкостях, а руководство Союза рыбаков Норвегии поддержало реформы, увидев шанс для персонального обогащения [14. С. 98; 15. С. 93].

Несмотря на жесткое сопротивление профсоюзов, государство закрыло в Заполярье убыточные градообразующие госпредприятия. На их месте (например, на металлургическом комплексе в Му-и-Рана) в ряде случаев удалось развернуть новые «точки роста», используя имеющуюся инфраструктуру. Свертывалось военное присутствие на норвежском Севере, утратившем приоритетное значение для НАТО с окончанием «холодной войны».

Одновременно с этим в 1990-е гг., отражая мировые тенденции, заметно возросло внимание норвежского государства к развитию в стране новых перспективных, в том числе наукоемких, отраслей. Северная Норвегия добилась существенных успехов в области рыбоводства (в регионе сосредоточена треть национального производства семги и почти половина – нетрадиционных видов рыб), арктического туризма, запуска спутников на околополярные орбиты и слежения за ними.

Позитивным моментом следует признать целенаправленное укрепление региональных и местных органов власти, сопровождавшееся финансовым обеспечением. Губернские администрации объявляются в этот период «главными действующими лицами» регионального развития, им все шире делегируются полномочия правительства.

В результате принятых мер в 1990-е гг. Север стал «дешевле обходиться норвежской казне». Ведущие отрасли региональной экономики – рыболовство и рыбопереработка – стали рентабельными. Характерной чертой периода (не только на Севере) стали массовое разорение рыбаков-частников, закрытие заводов и военных баз, пустеющие депрессивные деревни (на юге страны они часто перестраивались в дачные поселки для горожан), массовый отток молодежи в Осло. По данным исследования 2004 г., из десяти коммун с самым низким в стране уровнем жизни девять находились в Заполярье [16. С. 37]. Миграционное сальдо во всех трех губерниях Северной Норвегии оставалось стабильно отрицательным, за исключением отдельных лет в губернии Тромс, а естественный прирост населения неуклонно снижался. На самом Севере население все более концентрировалось в крупных населенных пунктах. На сей раз, однако, эта централизация воспринималась властями как вполне верная, отвечающая мировым трендам.

Переход страны к либерализму означал не отказ государства от проведения энергичной региональной политики, но серьезный перенос акцентов на косвенные рычаги и пересмотр ее целевых установок в пользу дальнейшей концентрации экономической активности и заселенности на Севере. У жителей норвежского Заполярья, да и периферии в целом, политика правящей элиты вызвала достаточно жесткую критику. Однако, в отличие

от «популистов» 1960-х годов, полноценной идеологической альтернативы либералистскому курсу выдвинуто уже не было.

Заполярье – главный государственный приоритет (с 2005 г.)

Предугадав общемировой рост внимания к Арктике, левоцентристский кабинет Йенса Столтенберга, правивший в Норвегии в 2005–2013 г., с первых дней объявил Крайний Север (и норвежский, и глобальный) сферой своего особого внимания. Начиная с 2006 г. в стране выходят регулярно обновляемые стратегические документы по Заполярию, причем нынешний правополиберальный кабинет Эрны Сульберг, придя к власти в октябре 2013 г., обеспечил полную преемственность этого политического курса.

Важнейшая его особенность – тесная увязка внутренней и внешней политики (под общей координацией МИДа). Норвежцы подходят к региону с целостных позиций, в комплексе рассматривая проблемы собственных арктических территорий, морских и шельфовых зон, взаимоотношений с другими странами, работы в международных организациях. Причем Северная Норвегия по сути впервые позиционируется не как депрессивная окраина, требующая особого внимания центра, а как самостоятельная ценность общенационального уровня. Ее процветание призвано обосновать внешнеполитические притязания страны на лидерство в освоении (а потенциально и в переделе) Арктики [17. С. 6]. Эта линия органично сочеталась с новой активизацией региональной политики, где место главной цели опять заняло сохранение сложившегося рисунка расселения (не оспариваемое теперь и консерваторами). Правительство вернулось к активной созидательной роли на всех уровнях.

Во-первых, вновь увеличилось государственное финансирование регионов – тем более что кризис 2008–2009 гг. побудил правительство Й. Столтенберга тратить (хотя и умеренно) средства «нефтяного фонда».

Прямые бюджетные «расходы на Заполярье» выросли за 2005–2017 гг. со 140 млн до 3,4 млрд норв. крон, не считая доли Северной Норвегии в общенациональных программах. Основной поток этих средств идет в развитие инфраструктуры, НИОКР и образование (лидерству в знаниях об Арктике придается определяющее значение), внешнеполитические мероприятия. Ассигнования

на развитие транспортной сети Норвегии при Й. Столтенберге выросли в постоянных ценах втрое, а в Заполярье – почти в шесть раз, причем крупные средства впервые вкладываются в реконструкцию железных дорог и развитие морских портов. Если за 1811–2005 гг. в стране было открыто всего четыре университета, то с тех пор – еще четыре, в том числе в заполярном Будё.

Во-вторых, параллельно с собственной активизацией в региональных (и особенно северных) делах, правительство укрепляло финансовую базу местных органов власти, еще более расширив их полномочия в социально-экономической сфере. С 2008 г. постоянно рос объем так называемых «свободных доходов» – нецелевых дотаций из госбюджета и местных налогов, распределяемых властями самих коммун в условиях высокой прозрачности для общественности. Основной объем антикризисных средств, выделенных для помощи предприятиям в 2008–2009 гг., правительство также доверило муниципалитетам, исходя из того, что им на месте виднее.

За период 2005–2013 гг. реальный прирост доходов коммунальных бюджетов составил около 70 млрд норв. крон, около половины этой суммы пришлось на «свободные доходы». В коммунальном секторе было создано 59 тыс. новых рабочих мест, причем на одну новую должность служащего приходилось по 17 занятых в сфере муниципальных услуг населению (здравоохранение, образование, коммунальные службы и др.).

В-третьих, предпринимаются активные меры помощи бизнесу, хотя возврата к их масштабному субсидированию по образцу 1970-х гг. не ожидается.

Несмотря на давление Евросоюза, норвежским правительствам удалось отстоять и даже расширить сферу применения территориальных налоговых льгот на Севере. Через особые программы государство содействует развитию НИОКР в частном секторе, формированию и расширению локальных производственных кластеров, развитию приоритетных отраслей. При этом, в отличие от предыдущих периодов, ставка делается не столько на развертывание качественно новых производств, сколько на техническое перевооружение действующих, таких как рыбохозяйственный комплекс, судоходство, нефтегазовая промышленность на шельфе, добыча минерального сырья, природоохранные технологии, туризм [18. С. 51. 19].

Целенаправленная работа на Севере позволила норвежским властям переломить ряд устойчивых негативных тенденций, причем без крупных субсидий или дополнительных налоговых льгот. Впервые за долгие десятилетия стали расти население Северной Норвегии и опережающими темпами – ее экспорт и валовый региональный продукт. ВВП на душу населения в регионе подрост с «традиционных» 80% до примерно 85% от национального, и эта тенденция сохраняется. Уровень безработицы в Заполярье ниже среднего по стране. К его жителям, ощутившим заботу и внимание государства, вернулся подзабытый уже оптимизм.

В регионе активнее, чем в целом по Норвегии, учреждаются новые предприятия, развивается наука. За 2005–2013 гг. экспорт рыбы и рыбопродуктов увеличился вдвое, въездной туризм в Северную Норвегию – в шесть раз. Возрождается горнодобыча, Нурланд стал лидером отрасли среди всех губерний страны.

Наряду с позитивными тенденциями, однако, проявились и проблемы. Достаточно четко обозначились пределы экстенсивного роста региональной экономики – как ресурсные, так и рыночные. Продолжается свертывание традиционного прибрежного рыболовства – вековой основы жизни Северной Норвегии. Несмотря на предвыборные обещания, правительство Й. Столтенберга не покончило с «вечными квотами», лишь ограничив срок их действия 25 годами.

С переборами действует рыбопереработка: хозяева траулеров с Юга, грубо нарушая условия своих квот на вылов, нередко уклоняются от прописанного в них обязательства сгружать рыбу в Норвегии и направляют ее на переработку в Китай. А весной 2017 г. правительство Э. Сульберг под предлогом обеспечения бизнесу большей гибкости предложило вообще освободить траулеры от обязанности сдавать уловы заранее определенной фабрике на норвежском берегу. Правительство при этом не скрывает, что не исключено закрытие ряда предприятий [20. С. 6].

Наконец, под общей позитивной демографической динамикой остаются завалированными некоторые болезненные для региона процессы – продолжающийся массовый отъезд северян на Юг, рост числа молодых людей, не оканчивающих учебные заведения, и вызванная этим хроническая нехватка квалифицированной рабочей силы, восполняемая иммигрантами. Таким образом, если раньше в Северной Норвегии наблюдался затяжной структурный

кризис, сопровождавшийся сокращением населения, то теперь появляется новый неблагоприятный сценарий: длительный рост, при котором местных жителей будут замещать приезжие.

Хаммерфест: «опорная зона развития» по-норвежски

В минувшее десятилетие в Северную Норвегию пришла наконец и нефтегазовая промышленность: на шельфе Баренцева моря, после многолетних задержек, были освоены газовое месторождение Снёвит (2007 г.) и нефтяное Голиат (2016 г.). Главным бенефициаром стал заполярный Хаммерфест, куда пришёл газопровод со Снёвита. В этом городе разместились единственный в Европе завод по сжижению газа, береговая база снабжения морских промыслов, региональные представительства компаний-операторов «Статойл» и «Эни», а также их многочисленных подрядчиков.

Для освоения Снёвита, которому придавалось большое политическое значение, норвежское государство в порядке исключения предоставило индивидуальные налоговые льготы, но приняло меры к максимизации положительных эффектов для экономики региона. Под давлением городской мэрии и правительства страны как главного акционера государственная нефтяная компания «Статойл» начала по мере возможности размещать заказы у местных производителей. Со своей стороны власти коммуны Хаммерфест, чтобы достойно принять у себя нефтегазовый бум, сами взяли кредитов на 2,3 млрд норв. крон для модернизации социальной инфраструктуры, дорожного и коммунального хозяйства.

По разным оценкам, общий объем поставок северонорвежских фирм Снёвиту за период его освоения составил от 2,7 до 4 млрд норв. крон, или примерно 8% от общей стоимости; более половины контрактов достались Хаммерфесту. Весьма значимыми оказались и побочные эффекты проекта: на газе Снёвита построены теплоэлектростанция и рыбоводные пруды, в городе идет общее хозяйственное оживление – рост жилищного строительства, транспорта, торговли, общественного питания [21].

Жизнь в Хаммерфесте, находившаяся в упадке после закрытия огромного рыбного комбината «Финдус», преобразилась:

Снэвит и Голиат фактически воссоздали утраченные 1100 рабочих мест, причем квалификация местных жителей заметно выросла. Город теперь готов принять и ожидаемое освоение гигантского месторождения Юхан Кастберг. За завод СПГ на Мелькёйа «Статойл» платит в муниципальный бюджет налог на недвижимость в сумме почти 200 млн норв. крон в год, что сделало мэрию Хаммерфеста одной из богатейших в стране. В город устремились иностранные специалисты и молодежь, начался бум на рынке недвижимости.

Оборотной стороной этого подъема стали, однако, дороговизна товаров и услуг, выросшее имущественное неравенство (зарботки у нефтяников и газовиков намного выше), упадок традиционных отраслей рыбного комплекса. В городе, где люди, как и везде на норвежском Севере, веками жили вровень, началось мощное социальное расслоение. Эти явления – новые для Северной Норвегии болезни роста, и адаптация к ним оказалась довольно болезненной, особенно для старшего поколения. Тем не менее будущее Заполярья во многом связывается именно с нефтегазовыми разработками, ставя перед правительством (и не только на Севере) новую задачу, известную и по российской практике: избежать чрезмерного расслоения регионов на богатые добычные и депрессивные «прочие».

Некоторые выводы

Таким образом, региональная политика на Севере Норвегии за неполные семь десятилетий претерпела значительную эволюцию. Однако в развитии региона можно выделить сквозные тенденции, действие которых продолжалось, несмотря на смену правительств и политических приоритетов.

Рост производительности труда на Севере сопровождался сокращением и концентрацией населения. В Норвегии эта тенденция была выражена не столь остро, как в России: наши районы Крайнего Севера и приравненные к ним только за 1990-е гг. потеряли 12,5% жителей – больше, чем самая депрессивная норвежская губерния, Финнмарк, за четверть века. Тем не менее и там обезлюдение Севера – устойчивый процесс, который в описываемый период приостанавливался лишь дважды: в 1970-х гг. благодаря массивному субсидированию и в наши дни – за счет наплыва иммигрантов.

Как представляется, главной причиной служила все возрастающая открытость региона для внешней конкуренции, к которой он, как и все глобальное Заполярье, в общем и целом не готов. Не случайно наиболее трудным периодом представляются девятые годы с их всемерной либерализацией.

С этим связана еще одна характерная особенность: хорошо себя зарекомендовавшие в умеренных широтах *передовые технологии и организационные решения на Севере часто не внедрялись*, а то и наталкивались на осознанное сопротивление северян. И дело здесь не в их «отсталости», как любят говорить консультанты из Осло, а в обостренном понимании, что эти решения не вписываются в уклад местной жизни, грозя его разрушить.

Развитие норвежского Севера все больше сосредоточивается в руках Центра. В 1950-е – начале 1960-х гг. это были государственные инвестиции и льготные кредиты, позднее – бюджетные субсидии, сейчас – централизованные вложения в социальную и транспортную инфраструктуру, субвенции губернским бюджетам, средства национальных научных, кластерных и маркетинговых программ. Рыбные ресурсы – историческое общее достояние жителей Заполярья – сначала попали в руки столичных чиновников, а потом были бесплатно отданы ими вертикально интегрированным компаниям с Юга, которые в свою очередь все чаще направляют уловы на переработку за пределы Норвегии. В перспективе, как с озабоченностью отмечают северонорвежские учёные, такие тенденции грозят экономическим закабалением региона, с утратой им не только инициативы, но и региональной идентичности как таковой.

Наконец, отметим «субъективный фактор»: *изменения политики происходили под давлением самих северян.* Из Центра проблемы Заполярья зачастую либо не видны, либо представляются иначе, нежели на местах. Без интенсивного обмена информацией и мнениями с жителями региона полярная политика государства (как внутренняя, так и внешняя) обречена на слабую эффективность. А реализация этой политики в свою очередь должна быть процессом сотворчества центральных, региональных, местных властей и широкой северной общественности.

Литература

1. *Christensen P.* Den norsk-arktiske torsken og verden. Torskfiskets historie.– Oslo: Kystverket et al., 2009.– 38 s.
2. *Градобитова Л.Д., Пискулов Ю. В.* Экономика и политика стран Скандинавии: Экономический фактор во внешней политике Швеции, Норвегии, Дании.– М.: Междунар. отношения, 1986.– 192 с.
3. *Økonomiske og biologiske nøkkeltal frå dei norske fiskeria 2016.*– Bergen: Fiskeridepartementet, 2017.– 46 s.
4. NOU1994:21. Bruk av land og vann i Finnmark i historisk perspektiv: Bakgrunnsmateriale for Samerettsutvalget.– Oslo, 1994.– 72 s.
5. *Криворотов А. К.* Политика государства как фактор конкурентоспособности арктических регионов: методология исследования, опыт Норвегии и уроки для России: монография / отв. ред. д.э.н., проф. Ф. Д. Ларичкин.– Апатиты: КНЦ РАН, 2015.– 320 с.
6. *Hersoug B., Leonhardsen D.* Bygger de landet? Distriktpolitikk og sosialdemokrati 1945–1975.– Oslo, 1979.– 296 s.
7. *Brox O.* Hva skjer i Nord-Norge? 4.utgave.– Oslo: PAX Forlag, 1972.– 206 s.
8. St. meld. nr. 4 (1992–93). Langtidsprogrammet 1994–1997.– Oslo, 1993.– 336 s.
9. NOU1984: 21A. Statlig næringsstøtte i distriktene.– Oslo, 1984.– 360 s.
10. *Даниельсен Р. и др.* История Норвегии. От викингов до наших дней / Р. Даниельсен, С. Дюрвик, Т. Грэнли, К. Хелле, Э. Ховланн.– М.: Весь мир, 2003.– 528 с.
11. *Knudsen J.P.* Framtidens bosettingsmønster // Regional utvikling mot år 2000 / J.P. Knudsen, B. Skogstad Aamo (red.).– Oslo: Distriktenes utbyggingsfond-J.W.Cappelens forlag.– S.76–83.
12. *Brox O.* Nord-Norge: Fra almenning til koloni.– Tromsø, Universitetsforlaget, 1984.– 232 s.
13. St. meld. nr. 51 (1997–98). Perspektiver på utvikling av norsk fiskerinæring.– Oslo, 1997.– 58 s.
14. *Rossvær V.* Fiskerbonden som verdensborger: Ottar Brox' kosmopolitiske aktualitet // Hvor går Nord-Norge? Tidsbilder fra en lansdel i forandring. S. Jentoft, J.-I.Nergård, K.A. Røvik (red.).– Stamsund: Orkana, 2011.– S. 97–108.
15. *Røed H.* Fiskehistorier. Hvem skal eie havet? / Røed H.– Oslo: Manifest, 2013.– 304 s.
16. St. meld. nr. 34 (2000–2001). Om distrikts- og regionalpolitikken.– Oslo, 2001.– 146 s.
17. Nye byggesteiner i nord. Neste trinn i Regjeringens nordområdestrategi.– Oslo, 2009.– 93 s.
18. Regjeringens nordområdestrategi.– Oslo, 2006.– 61 s.
19. Nordområdestrategi – mellom geopolittikk og samfunnsutvikling. – Oslo: UD, KMD, 2017.– 69 s.
20. Meld. St. 20 (2016–2017). Pliktssystemet for torsketrålere.– 40 s.
21. *Steen M.* Den globale petroleumsindustrien, petroleumsprosjekter og regional utvikling – tilfellet Snøhvit og Hammerfest // Oljevirksomhetens inntog i nord. Næringsutvikling, politikk og samfunn.– Oslo: Gyldengal, 2010.– S. 107–128.